

УДК 821.161.1

Л. Г. Дорофеева

ОБРАЗЕЦ СМИРЕНИЯ: ЖИТИЕ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ, СОСТАВЛЕННОЕ СИМЕОНОМ МЕТАФРАСТОМ

96

Образ святого Николая в переводном византийском житии анализируется с целью установления типа смиренного поведения. Прослеживая сюжетные средства проявления характера святого, автор приходит к выводу о равноправном сочетании в его смиренном поведении качеств кротости и дерзновенности, что обусловлено и личностными свойствами, и его святительским подвигом.

The image of St Nicholas in the translated Byzantine biography is analysed in order to identify the type of humble behaviour. The author examines the plot-based means of describing the character of the saint and comes to a conclusion about an equal combination of meekness and audacity in his humble behaviour, which is explained by the personal qualities of the saint and his feat.

Ключевые слова: древнерусская книжность, древнерусская литература, переводная агиография, смиренный человек, типология, сюжет, житие, святой, подвиг святого, святой Николай, Симеон Метафраст.

Key words: Old Russian book studies, Old Russian literature, translated hagiography, humble person, typology, plot, biography, saint, feat of a saint, St Nicholas, Symeon Metaphrast.

Переводная литература Древней Руси является одной из самых малоисследованных областей [5, с. 115–132]. Между тем в соответствии с теорией «трансплантации» Д. С. Лихачева [3, с. 21]¹ она не менее значима и показательна в плане изучения специфики древнерусской словесности, чем литература собственно русская по происхождению. Житие святителя Николая («Жизнь и деяния святого отца нашего Николая», составленное Симеоном Метафрастом [1, с. 140–155]) относится к наиболее известным и также малоизученным памятникам древнерусской литературы. Нас интересует вопрос о типе святости и связанной с ним типологии образа смиренного человека.

Подвиг святителя, а так называют только святых епископов, близок апостольскому по своей сути (просвещение народа и ведение его к спа-

¹ Об этом еще ранее, в 1934 г., говорил В. Н. Перетц, заметивший, что «"заимствованное" — в процессе литературного развития разделяет судьбу оригинального» [4, с. 330].

сению) и одновременно преподобническому по аскетическому характеру: святители часто своей аскезой подобны монахам-подвижникам. Доминанта их подвига — просветительство, духовное окормление (наставничество) народа — *пастырство*. Не случайно в день празднования памяти святителя на литургии читается отрывок из Евангелия «Я есмь пастырь добрый» (Ин. 10: 11). Здесь и заключается архетип его образа. Понятно, что пастырь тогда «добрый», «когда душу свою полагает за овцы своя» (Там же).

Но в чем выражается особенность смиренного типа в житиях святительских? Является ли для этого типа святости характерным, определяющим какой-то свой особый сюжетный принцип (и рисунок)? Для ответа на это вопрос обратимся к рассматриваемому памятнику. Это Житие, широко известное на Руси с XV в., стало основой для составления всех остальных редакций. Оно выстраивается в соответствии с архетипом «добротного пастыря», образцом которого служит в Евангелии Сам Христос и которому в своем служении уподобляется святитель Николай. Начало Жития традиционно содержит известные агиографические топосы благочестия родителей, раннего благочестия Николая, его «убегания суеты» этого мира и проч. При этом есть биографичность, которая в значительной мере индивидуализирует топосы, указывая на нешаблонность их употребления при всей каноничности. Нас интересует та часть произведения, в которой проявляются личностные особенности, натура святителя. Заметим, что Метафраст указывает на особенности его нрава: «Нрав у него и до того, как он стал стар, был спокойный и рассудительный» [1, с. 142]. Вообще он дает достаточно развернутую характеристику святого: например, говорит о «природных дарованиях и остроте ума» [1, с. 141], характеризует поведение, которое свидетельствует о ровности характера и рассудительности. И еще Метафраст отмечает принцип жизни святителя: «Стремился последующими деяниями своими показать *праведные основы жизни* и все дальнейшие поступки свои *привести в соответствие* с этим началом» [1, с. 141]². То есть главное условие цельности личности, каковой обладал святитель, — это приведение в соответствие с «праведными основами жизни» всех своих поступков. Праведные же основы — это суть заповеди Христовы, из которых наиболее значимая — любовь к Богу и ближнему.

Но эту заповедь являют собой все святые. Однако для дифференциации типа поведения важно, *как* являют и в *каких обстоятельствах*. Ведь всё в житии определяется типом подвига, как мы помним, а епископское служение направлено прежде всего к миру, поэтому епископ может оказываться в совершенно разных ситуациях. Отсюда и особенности святительских житий, в которых, как правило, много событий, людей, встреч и историй. Обратим внимание, *как ведет себя* святитель Николай в различных обстоятельствах.

Житие святителя Николая выстраивается как череда историй, чудес, помощи, заступничества и т.д. Первая история повествует о тайной материальной помощи некоему разорившемуся человеку, от отчаяния

² Курсив в цитатах везде наш. — Л.Д.

решившему своих трех дочерей сделать блудницами: «...решил трех своих дочерей, отличавшихся чудной красотой, отдавать за мзду похоти желающих и на выручаемые деньги себе и детям своим доставлять пропитание» [1, с. 142]. Святитель тайно подкидывает нуждающемуся три мешочка золота. Метафраст объясняет *тайную* суть этой помощи традиционным для агиографии мотивом: святитель не объявился из собственного смирения, чтобы уйти от славы человеческой. Но важнее для характеристики святого второй мотив: «Какова *сострадательность святого и ведение им сердца человеческого!* Он не подошел к тому мужу и даже слова не сказал ему, не дал и увидеть благодетельствующую руку, а таково ведь обычно милосердие малодушных. Ибо *знал, что подобная назойливость огорчает людей, из богатства и славы впавших в бедность, смущает их души* и будит воспоминание о прежнем благоденствии» [1, с. 142]. Итак, сострадательность, ведение сердца человеческого и, видимо, *понимание* этого состояния грешной души, мучимой и самолюбием, и отчаянием, и, возможно, внутренним бунтом против такой своей судьбы, направляют святого и проявляют его бережность, любовь и мудрость истинного *пастыря*. И вот с какой живостью описывает все это Метафраст:

Встав поутру, тот человек нашел золото. Развязав узелок, он поразился и почел себя обманутым, так как опасался, что золото это ненастоящее. Откуда же мог он его ждать, когда благодетель не пожелал, чтобы благодетельствуемый был свидетелем его поступка? Бедняк потер пальцем золото, внимательно разглядел и, убедившись, что это подлинно золото, радовался, дивился, недоумевал и от счастья плакал. Когда же по долгому размышлении не нашел никого, кому мог бы приписать случившееся, подумал, что это дар Божий и заплакал слезами благодарности. И, разумеется, прежде всего он поспешил исправить то, что послужило причиной его прегрешения перед Богом» [1, с. 142].

Что мы видим здесь? Конечно, победу кротости над гордыней³, над злом, утишение, умирение той внутренней «бури», которая рождена грехом отчаяния и грозила и далее расширяться, принося многим несчастье. Вновь, как и в ряде житий, мы встречаем особое свойство смирения — гармонизацию мира вокруг себя. И в данном случае, как и в других историях, описанных Метафрастом, проявляется кротость святого, *кроткий тип поведения*. В отношении к согрешающим против него он *беззлобен*, что свидетельствует о присущей ему добродетели.

Следующая история тоже говорит об утишении бури, но уже в прямом смысле — о спасении от гибели корабля, на котором святой плыл в Палестину. Здесь уже проступает в образе святителя Николая и *дерзновенность пророка* (он предупреждает капитана и моряков о грядущей буре и возможной гибели) и *дерзновенность молитвы*, основан-

³ О происхождении *отчаяния от гордыни* свидетельствует святоотеческая литература, которую принято называть «учительной». В частности, об этом пишет преподобный Иоанн Лествичник в своем труде «Лествица» [2].

ной, как и во всех житиях, на вере святого. Идущие вслед за этой историей исцеления святителем недугующих, подобные Евангельским чудесам, говорят о том же.

Смирение святого Николая выражается во всем: и в его постоянном стремлении к уединению, неизвестности, аскетическому пути, и в его послушном принятии — вопреки желанию — епископского сана. Причем это «вопреки» в образе святого даже не «звучит» — таково смиренное устройство его души: он с простотой и полным доверием принимает сан как волю Божию.

Далее Метафраст кратко повествует о гонениях и испытаниях святителя, пытаемого и посаженного в темницу. И здесь мы видим смирение, внутренний мир, утешение находящихся рядом с ним и состояние *покоя* как главное в его душе.

Эпизоды Жития, отражающие следующий этап его жизни, проявляют черты отнюдь не кроткого человека. Святой Николай активен, деятелен, обнаруживает, как свидетельствует Житие, «божественную ревность»: борясь с язычеством, разрушает капище Артемиды до пепла. Он полон воинственного духа. Вот что об этом пишет Метафраст: «Капище это, чудное своей красотой и величиной превосходящее остальные, было любимым прибежищем демонов. Потому-то святого охватила великая ненависть к тому капищу, и он смело восстал и разрушил не только все, что возвышалось над землей, но стер его до самого основания...» [1, с. 147].

Приводится много фрагментов, в которых предстает не кроткий, а дерзновенный, воинствующий, мужественный человек, отличающийся, как пишет агиограф, «ревностью и бесстрашием» [1, с. 149]. Так, святой спасает невинно приговоренных к смертной казни: узнав о том, куда их ведут, он «поспешает и, восполнив бессилие старости сердечным пылом, скоро приходит в указанное ему место. Он видит там большую толпу и этих мужей, увы, со связанными на спине руками и закрытыми лицами лежащих на земле, подставив для удара обнаженные шеи... и палача, со злобным и бездушным взглядом уже поднявшего меч и одним своим обликом являющего кровожадность. Когда святой это увидел и обратил взор на печальное зрелище, то, уравновесив суровость мягкостью, не сказал ни дерзкого, ни резкого слова, но и не выказал никакой опаски или робости; сколько доставало сил он побежал к палачу, смело выхватил из его рук меч, и, ничего не страшась, бросил на землю, и осужденных освободил от их оков» [1, с. 149].

Далее мотив спасения развивается: вновь оговаривают невинных, теперь «стратилатов», бывших свидетелями освобождения от смертной казни оговоренных воинов. Вновь действует подкуп, и вновь люди в темнице под угрозой смерти, и вновь помогает святитель Николай, но только уже чудесным образом: он приходит к императору и епарху в сонном видении, в котором весьма грозно говорит с ними, обещая различные кары. Далее можно приводить примеры наличия и милости, и кротости, и ревности, и мужества, и грозности, и дерзновенности. Но все это является производным от главного качества святителя Николая — его смирения перед волей Божией, что заключается в служении «праведным основам жизни».

Таким образом, смирение, как говорит и это Житие, способно выступать в *разных* формах и типах поведения. Более того, именно данная особенность и отличает святительские жития от монашеских, мученических и др. Но мотивироваться любой поступок при этом может только одним: исполнением воли Божией, в которой главное — любовь.

Список литературы

1. *Византийские легенды* / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1972.
2. *Иоанн Лествичник, преподобный* Лествица. Псков, 1994.
3. *Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили.* Л., 1973.
4. *Перетц В. Н.* К вопросу о сравнительном методе в литературоведении // Труды отдела древнерусской литературы. М. ; Л., 1934. Т. 1. С. 327—340.
5. *Творогов О. В.* Переводные жития святых в древнерусской книжности XI—XV вв. // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2008. Т. 59. С. 115—132.

Об авторе

Людмила Григорьевна Дорофеева — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Калининград.

E-mail: LiDorofeeva@kantiana.ru

About the author

Dr Lyudmila Dorofeeva, Ass. Prof., I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: LiDorofeeva@kantiana.ru